

РУССКИЕ МЕНЬШИНСТВА В ВОСПРИЯТИИ
РУССКОГО БОЛЬШИНСТВА
(ИТОГИ ОПРОСА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
В ФЕВРАЛЕ-МАРТЕ 1992 г.)

Бурный распад советской империи, именуемый на Западе "биг бэнгом", привел, помимо всего прочего, к резкому изменению объективного и субъективного положения россиян, проживающих на территориях вчерашних союзных республик. Имевшие десятилетиями статус "большого брата" русские люди вдруг превратились в национальные меньшинства в составе независимых, суверенных государств. И мало того — сразу же оказались втянутыми в откровенно напряженные отношения с коренными народами, населяющими эти государства. Разумеется, природа постоянно возникающих сегодня межнациональных конфликтов между нерусскими и русскими в разных случаях существенно различна: подчас — это продукт действия прежде всего местных национальных сил, подчас — результат политических инсинуаций сохранившей традиционный имперский менталитет Москвы. Однако независимо от того, "кто прав — кто виноват", проблема русских меньшинств — именно в данном своем определении — стала на протяжении последних лет одним из важнейших пунктов внешней политики нынешнего российского государства и одновременно одной из самых остро обсуждаемых в российском обществе проблем. Еще бы! Разве можно быть спокойным, если кровь твоих братьев по племени льется в пределах бывшего Союза едва ли не каждый день!

Как относится российское большинство, т.е. россияне, живущие "дома", на территории России, к судьбе своих соплеменников, оказавшихся в меньшинстве "за границей"? — этой проблеме было посвящено исследование Службы "Vox Populi", проведенное в фев-

рале-марте 1992 г. Это исследование было реализовано в рамках регулярных репрезентативных опросов общественного мнения, которые проводятся службой VP в 18 экономико-географических районах Российской Федерации. Объем выборки — 2000 человек, ее поселенческая структура — 35 пунктов опроса, в том числе 18 городских и 17 сельских.

В центре внимания исследования стояла проблема беженства — вынужденной эмиграции русских людей из районов, где они оказались в стесненных обстоятельствах. Однако прежде чем приступить непосредственно к изложению полученных нами результатов, я хотел бы сделать одно важное методологическое пояснение. Оно касается необходимости (всякий раз когда мы беремся за интерпретацию тех или иных эмпирических данных) учитывать более широкий контекст существующего в обществе массового сознания и прежде всего те его фундаментальные особенности, которые, с одной стороны, уходят корнями в глубокое прошлое народного духа, а с другой — являются порождением новейшего, переживаемого момента истории.

Остановившись на этих общих специфических свойствах нынешнего российского общественного сознания, отечественные и зарубежные наблюдатели чаще всего говорят о том, что оно, это сознание,

— раздирается противоречиями, резко дифференцировано на многочисленные "сегменты", характеризующиеся различными, в том числе диаметрально противоположными позициями;

— чрезвычайно возбуждено, экзальтировано и потому нестабильно, склонно шарахаться из стороны в сторону;

— переживает кризис вчерашних официальных идеологем, авторитетов и ценностей и вместе с тем сохраняет приверженность ко многим позавчашним, традиционным, в том числе откровенно архаическим, моделям сознания и поведения;

— крайне плохо ориентируется в происходящих в обществе процессах, не имеет представления ни о главных силах, участвующих в этих процессах, ни о главных

векторах наметившихся движений, и потому чрезвычайно мифологизировано, находится в плену огромного количества заблуждений и предрассудков.

Будучи полностью согласен со всеми этими оценками я, однако, не считаю их исчерпывающими и достаточными, поскольку в приведенном перечне, на мой взгляд, отсутствует главная характеристика нынешнего общественного сознания россиян, без учета которой невозможно адекватно оценить получаемые в опросах эмпирические данные, в том числе касающиеся отношения русского населения к проблеме русских меньшинств в бывших союзных республиках.

Что я конкретно имею в виду? То, что это сознание разорвано (*tom*), расколото (*split*). В каждой точке своего существования, т.е. не только на макроуровне, в обществе в целом, в смысле несовпадения позиций различных социальных субъектов (что вполне нормально для каждого современного общества), но и (прежде всего) на микроуровне, в жизни самих отдельных субъектов, в смысле внутренней противоречивости их взглядов, оценок и представлений. В сущности, на развалинах бывшего Советского Союза мы имеем сейчас дело с уникальным историческим феноменом — душевным заболеванием общества в целом, некоей глобальной шизофренией, которая должна стать предметом самого тщательного изучения не только обществоведов (философов, историков, социологов, социальных психологов и политологов), но и медиков — психиатров и психопатологов.

Разумеется, миру уже давно известны случаи прямого помешательства не только отдельных личностей, но и их более или менее широких общностей. Сошлюсь хотя бы на имевший место в 1938 г. в США эпизод непродолжительного (всего на несколько часов), но подлинно массового (в два с лишним миллиона человек) безумия, связанного с радиопостановкой Орсоном Уэллесом "Войны миров" Герберта Уэллса и описанного в книге Х. Кэнтрила "Вторжение марсиан". Однако того, что происходит сегодня в бывшем СССР, таких масс людей и социальных институтов, у которых, как теперь принято говорить, "све-

хала крыша", — такого, насколько я знаю, в мире еще никогда не наблюдалось. И понимание этого чрезвычайно важно. Ведь речь тут не о художественном преувеличении, не о броском образе, а о вполне строгом, эмпирически ежедневно фиксируемом и измеряемом факте. И относиться к нему надо со всей серьезностью, помнить о нем, держать его в уме постоянно, когда мы беремся судить о нынешнем российском обществе и особенно о такой сложной материи его существования, как межнациональные отношения.

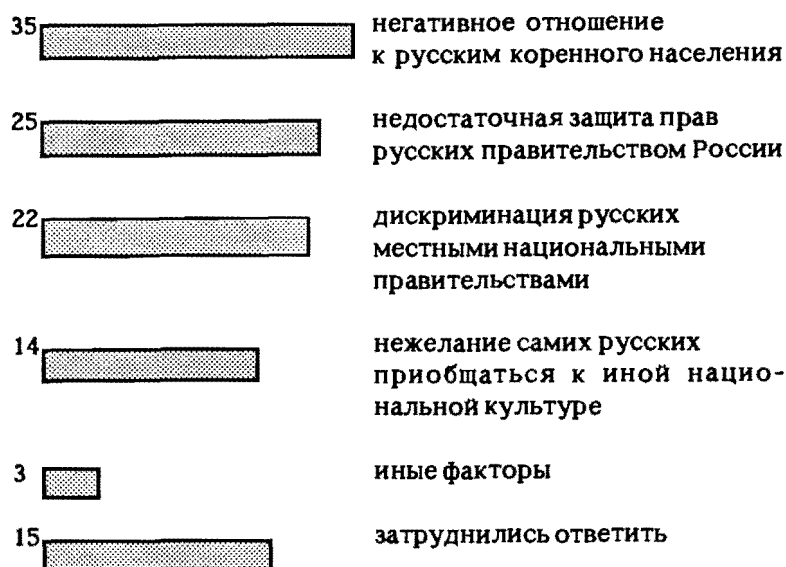
К сожалению, я не имею возможности остановиться на вопросе о природе и основных формах проявления отмеченного феномена. Однако хотелось бы, чтобы из сказанного было ясно: если социолог фиксирует в наших условиях ситуацию, когда один и тот же респондент, одна и та же совокупность респондентов высказывает два взаимно исключающих друг друга суждения, — это сплошь и рядом будет свидетельствовать не о слабости методики и техники опроса, но об объективной картине разорванного, шизофренического сознания, существующего в российском обществе—92.

Перейду теперь к конкретным результатам проведенного исследования. При этом подчеркну: опрос имел всероссийский характер, в результате чего данные, относящиеся к массиву опрошенных в целом, отражают точку зрения не собственно русских (их в выборке — 75,5% опрошенных), а россиян, к которым относятся также татары (8,7% опрошенных), народы Северного Кавказа (4,2%), буряты (2,5%), украинцы (2,2%), коми (1,8%), башкиры (0,9%) и другие. Ясно, что наряду с этими средними данными в анализе важно учитывать также позицию каждой из участвовавших в опросе этнических групп.

Начну с одного из самых главных пунктов исследования — с представлений российского населения о факторах (причинах), приводящих к возникновению (способствующих усилению) напряжений между русским меньшинством и нерусским большинством в различных (национальных) регионах бывшего СССР, включая саму

Россию, и вынуждающих — в конечном счете — русских обращаться в бегство, пускаться с насиженных мест куда глаза глядят.

Вот как выглядят эти представления в массовом сознании в целом (в процентах к общему числу опрошенных)*:

Как видим, основное внимание масс сосредоточено на *внешних* (по отношению к самим русским меньшинствам) факторах, прежде всего тех, что описываются в терминах *антирусской политики, антирусских настроений* коренного населения и национальных правительств соответствующих регионов. За этим отчетливо проглядывает весьма характерная для современного сознания "народов-братьев" вчерашнего СССР *черно-белая поляризация мира на "своих" и "чужих"* ("мы" и "они"), где правыми, по определению, всегда должны быть "свои", а виновными, естественно, "чужие".

*В данном случае каждый респондент мог дать несколько ответов, в результате чего их общая сумма превышает 100%.

В чистом виде стремление защитить "своих"^{**} присутствует в первой, третьей и четвертой позициях, особенно в свете сравнительного анализа мнений, высказываемых русскими и нерусскими респондентами. Так, к примеру, на негативное отношение к русским коренного населения ссылается 36% самих русских и только 15% респондентов, представляющих народы Северного Кавказа; на дискриминацию русских национальными правительствами — соответственно 24 и 11% тех и других. Зато когда речь заходит о нежелании русских приобщаться к национально-культурным традициям, обычаям и языку коренных национальностей (на территории проживания), названные группы опрошенных меняются местами: теперь данный фактор считают значимым всего только 12% русских и целых 23% северокавказских респондентов.

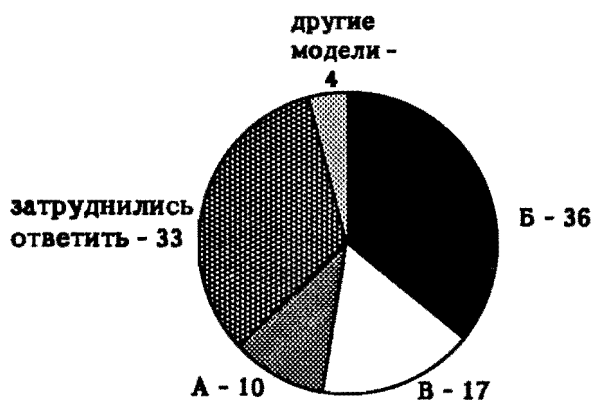
Гораздо более сложной представляется природа второго высказывания, связанного с критикой недостаточно жесткой политики правительства в отношении "обидчиков" русских меньшинств. Тут, кроме отмеченного момента, в скрытой форме присутствует еще и намек на принципиальную недопустимость для кого бы то ни было (и тем более для бывших "меньших братьев") как-либо ущемлять "великороссов". А это уже — глубоко сидящие в русском национальном сознании типично имперские замашки с их главной идеей о всемогуществе и целостности державы, ни в чем не могущей поступиться своими интересами, равно как и интересами своих соплеменников, где бы они ни жили.

Разнообразные проявления подобного сознания в опросах общественного мнения в России фиксируются постоянно. К примеру, в конце минувшего года 71%

^{**}В конце прошлого года в одном из исследований службы ВР проблема "мы — они" рассматривалась как таковая. Тогда поставленные в перспективную ситуацию, в которой "наши бьют", 26% россиян заявили, что "бросятся помогать своим, не выясняя, кто прав, кто виноват", 27% — что "предпочтут переждать" и (только) 32% — что "могут стать на сторону «чужих», если выяснится, что правы они".

россиян решительно отверг мысль о возвращении Японии Курильских островов (лишь 14% опрошенных полагают, что это можно сделать, исходя из тех или иных соображений, в частности в расчете на получение от Японии серьезной экономической помощи). Уже в этом году 75% жителей Федерации высказали мнение, что "Крым необходимо вернуть России" (лишь при 7% несогласных с такой точкой зрения). И вот теперь аналогичные подходы обнаружили себя еще раз, хотя и на совсем ином материале.

При этом упомянутое высказывание о "недостаточной защите прав русских правительством России" — лишь деталь в данной системе представлений. Гораздо более показательным в этом отношении в рассматриваемом исследовании был другой вопрос, касающийся *возможных моделей поведения* русских меньшинств в сложной межнациональной обстановке. "Как показывает опыт, — говорилось в интервью, — русское население в подобных ситуациях либо (А) настаивает на национально-государственной автономии (как это случилось в Приднестровье), либо (Б) вступает в политическую борьбу за свои права (как это имеет место чаще всего), либо (В) прибегает к эмиграции (как это было в Азербайджане). Какая из этих трех моделей поведения Вам кажется самой верной?". Тут распределение ответов было следующим (в % к общему числу опрошенных):

Итак, лишь каждый шестой житель "большой России" полагает, что его соплеменникам, оказавшимся в беде, лучше всего было бы эмигрировать, перебраться "домой" или куда-то еще. Каждый третий "дрогнул" с ответом. Для большинства же (почти половины всех опрошенных) тут нет сомнений: их главный призыв — "бороться", "не уступать", "поставить «чужих» на место", в том числе "любой ценой" (10%), не останавливаясь перед откровенной конфронтацией, а стало быть, и возможными человеческими жертвами.

Очевидно, в данном случае речь идет уже не просто о поддержке "своих", но о большем — о защите интересов "державы", о сохранении ее позиций на бывшей территории СССР. И эта принципиальная смена в самом алгоритме рассуждений респондентов не может остаться незамеченной. Не может не броситься в глаза и еще один, гораздо более крутой "поворот" в менталитете россиян, стоит лишь перейти от скорее абстрактных, *отстраненных* (чисто идеологических или политических) постановок вопроса "кто виноват?" (в возникающих межнациональных напряжениях) и "что делать?" (в этих ситуациях русским меньшинствам, т.е. другим людям), к вполне *практическим* вопросам о том, как вести себя при этом *самим респондентам*, как реально — а не только "умным суждением", "добрым советом" — помочь своим соплеменникам.

Первые неожиданности в этом плане возникают уже при выяснении *обобщенного образа* в сознании россиян — тех самых представителей русских меньшинств, которые в силу сложившихся обстоятельств оставили насиженные места и превратились в "русских беженцев". На соответствующие вопросы интервью о том, что собой, по мнению опрашиваемых, представляют эти люди, почти каждый пятый ответил: это — люди "агрессивные, озлобленные обстоятельствами, озабоченные только собственными проблемами" (а не "доброжелательные, терпимые, способные, несмотря на собственное горе, прийти на выручку другим"), и практически половина — что это люди "несчастные, убитые горем,

рассчитывающие на внешнюю помощь и нуждающиеся в защите и опеке" (а не "инициативные, самостоятельные, готовые активно участвовать в жизни на новом месте").

Затем картина *несочувственного, недоброжелательного отношения* к "своим" приобретает еще более выразительные черты. При ответе на вопрос "какие из следующих трех суждений ближе всего к вашей точке зрения: (1) беженцы должны рассчитывать только на свои силы; (2) беженцы должны получить необходимую помощь для обустройства на новом месте или (3) беженцы должны быть окружены большим вниманием и заботой, нежели местное население?" мнения респондентов оказались следующими (в процентах к общему числу опрошенных):

И, наконец, ситуация окончательно проясняется, когда вопрос, как говорится, ставится в лоб: "Как бы лично вы отнеслись к размещению беженцев в вашем населенном пункте?" Теперь уже только 6% опрошенных отвечает: "приветствовал бы это", зато 10% — "выступили бы категорически против" (при 75% "не возражающих против этого" и 9% затруднившихся ответить).

Особенно резко негативно отношение к русским беженцам москвичей — в четыре с лишним раза выше, чем в среднем по массиву. Однако, как показывают результаты исследования, в России, похоже, вообще нет мест, где бы приезжих готовы были встретить как родных. У себя на "большой родине" они превращаются скорее в "чужих"...